

НА БЕРЕГУ БОЖЬЕЙ РЕКИ

Записки православного

Часть I

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

По выходе в свет книги этой я послал ее в дар епископу Полтавскому Феофану. В ответ на это Владыка 24 ноября 1915 года написал мне следующее:

«Досточтимый Сергей Александрович! Сердечно благодарю Вас за Ваше внимание ко мне, выразившееся в посылке мне Вашей книги «На берегу Божьей реки». Я с великим интересом читаю все Ваши книги и вполне разделяю Ваши взгляды на события последнего времени. Люди века сего живут верою в прогресс и убаюкивают себя несбыточными мечтами. Упорно и с каким-то ожесточением гонят от себя самую мысль о кончине мира и о пришествии антихриста. Их очи духовно ослеплены. Они видя не видят и слыша не понимают. Но от истинно верующих чад Божиих смысл настоящих событий не сокрыт, даже более того: на ком почит благоволение Божие, им будут открыты и время пришествия антихриста и кончина мира точно. Когда Господь изречет Свой грозный Суд над грешным миром: не имать пребывати Дух Мой в человецех сих яже суть плоть;

тогда Он скажет верным Своим рабам: *изыдите от среды их и отлучитесь и нечистот не прикасайтесь. Аз приму вы* (2 Кор. 6, 17; ср.: Ис. 52, 11). И сокроет их от взоров міра, воздыхающего в страхе грядущих бедствий. Поэтому велика заслуга тех, кто напоминает людям века сего о грядущих великих временах и событиях. Господь да поможет Вам глаголати о сем в слух міра всего благовременно и безвременно *со всяким долготерпением и назиданием!* (2 Тим. 4, 2).

Ваш искренний почитатель и богомолец, Епископ Феофан».

«Господь да поможет Вам глаголати о сем в слух мира всего» — эти слова епископа сбылись во всей точности в годы революции. Таково значение епископского благословения, и притом такого епископа, как Феофан.

Назначение и цель христианского писателя — быть служителем Слова, способствовать раскрытию в Нем заключенной единой истины в ее бесконечно-разнообразных проявлениях в земной жизни христианина и тем вести христианскую душу по пути Православия от жизни временной в жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем.

С Покрова 1907 года¹ по день Св. Духа 1912 года Богу угодно было поселить меня со всей моей семьей на благословенной земле святой Оптиной Пустыни. Отвели мне старцы усадьбу около монастырской ограды, с домом, со всеми угодьями, и сказали:

— Живи с Богом, до времени. Если соберемся издавать Оптинские листки и книжки, ты нам в этом поможешь; а пока живи себе с Богом около нас: у нас хорошо, тихо!..

И зажили мы, с благословения старцев, тихонько, пустынною жизнью, надеясь и кости свои сложить около угодников Оптинских.

Господь судил иначе. Слава Богу за все!..

Велика и несравненно-прекрасна река Божья — святая Оптина! Течет река эта из источников жизни временной в море вечно радостного бесконечного жития в царстве незаходимого Света, и несет

¹ С Покрова 1917 года началось наше житие в Линовице под покровом храма в честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Храм, правда, освящен был не на Покров, а ранее 10 августа, 7–27 июля, но посвящен именно этому празднику Богоматери. Он сооружен был Покровской игуменнею Софиию.

на себе она ладии и своих пустынножителей, и многих других многоскорбных, измученных, страдальческих душ, обретших правду жизни у ног великих Оптиных старцев. Каких чудес, каких знамений милости Божией, а также и праведного Его гнева, не таят в себе прозрачно-глубокие, живительные воды этой величаво-прекрасной, таинственно-чудной реки! Сколько раз с живописного берега ее, покрытого шатром пышно-зеленых сосен и елей, обвеянного прохладой кудрявых дубов, кружевом берез, осин и кленов заповедного монастырского леса, спускался мой невод в чистые, как горный хрусталь, бездонные ее глубины, и — не тщетно...

О благословенная Оптина!..

До новолетья 1909 года я был занят разбором старых скитских рукописей, ознакомлением с духом и строем жизни моих богоданных соседей, насельников святой обители. Плодом этого времени была книга моя «Святыня под спудом» и несколько меньших по объему очерков, нашедших себе приют в изданиях Троице-Сергиевой Лавры. С 1 января 1909 года я положил себе за правило вести ежедневные, по возможности, записки своего пребывания в Оптиной, заноса в них все, что в моей совместной с нею жизни представлялось мне выдающимся и достойным внимания.

Чего только не повидал я, чего не передумал, не переслушал я за все те незабвенные для меня годы, чего не перечувствовал! Всего не перескажешь, да многого и нельзя рассказать до времени, по разным причинам слишком интимного свойства. Но мно-

гое само просится под перо, чтобы быть поведанным во славу Божию и на пользу душе христианской, братской мне по крови и по вере православной.

Откроем же, читатель дорогой, тетради дневников моих и проследим с тобою вместе, что занесло на их страницы благоговейно-внимательное мое воспоминание.

1909 год

1 января

Встреча нового года. — Бабаевский блаженный Василий Александрович. — Преп. Елеазар Анзерский.

Вот уже и год прошел, да еще с прибавком в три месяца, как мы живем под покровом Царицы Небесной в Ее обители Оптинской. Не видали, как пролетело это время.

Новорожденного младенца семьи вечности — 1909 год — встретили всенощным бдением в Казанской церкви благословенной Оптиной. Ходили всей семейкой, разросшейся, благодарение Богу, до одиннадцати душ. Отстояли всенощную до величания великого святителя Василия, приложились после Евангелия к его образу и после четвертой песни канона, около 10 часов вечера, пошли домой. Служба началась в половине седьмого, а конца первого часа и отпуста ранее половины одиннадцатого не дожидаться: не всем моим под силу выстаивать до конца такие бдения, да и самому мне грех похвалиться выносливостью к монастырским стояниям, кроме тех, увы, редких случаев, когда, нежданная, негаданная,

посетит нечувственное окаменелое сердце небесная гостья — молитвенная благодать Духа Святого, «немогущая врачующая, оскудевающая восполняющая». Ну, тогда стой хоть веки!..

К одиннадцати часам вечера пришел к нам иеромонах о. Самуил с двумя клиросными, перекусили кое-чего с нами, выпили чайку и начали в моленной новогодний молебен. Была полночь, а в моленной мы и певчие пели «Бог Господь и явися нам...»

Идеальная встреча нового года! Как благодарить за нее Господа?

— Крестообразно! — сказал мне как-то, года три назад, в Николо-Бабаевском монастыре на подобный же вопрос один полублаженный, а может быть, и блаженный, некто Василий Александрович, проживавший, в холодной трепанной одежонке, и лето и зиму в омете соломы около монастырского молотильного сарая.

— Как? — переспросил я.

— Да так, очень просто, — ответил Василий Александрович и осенил себя крестным знамением. — Так и благодарите! — добавил он с милой, детски наивной улыбочкой.

Верстах в пяти от монастыря у Василия Александровича было что-то вроде поместья, — дом, надельная и наследственная, родителями благоприобретенная земля, — но он, как говорили мне, до этого не касался, предоставив все во владение семейному своему брату; сам же он был бобыль и довольствовался как жилищем монастырским ометом. В омет этот он уединялся, там и ночевывал, не обращая внимания ни на какую

погоду. Изредка, когда костромские морозы перева-
ливали за 30 градусов, Василий Александрович забе-
гал в монастырскую гостиницу погреться у гостиника
и попить у него чайку... Когда-то он был послушни-
ком в Николо-Бабаевском монастыре, а затем, ка-
жется, вторым регентом в Троице-Сергиевой Лавре.
Лет двадцать назад, — сказывали мне, — у него был
чудный голос — тенор, которым, бывало, заслушива-
лись любители пения. Во времена моего с ним знаком-
ства у него уже почти не оставалось голоса, но слух
был на редкость верный, и мы с женой певали ино-
гда с ним священные песнопения, поздним вечером,
на крылечке монастырской гостиницы. Станный он
был человек! Придет он, бывало, ко бдению в ве-
личественный Бабаевский собор, станет где попало
и как попало, иногда даже полуоборотом к алтарю,
поднимет голову кверху, воззрится в соборный рас-
писной купол да так и простоит как изумленный все
бдение, не сходя с места и не пошевелив ни од-
ним мускулом. Внешней молитвенной настроенности
в нем заметно не было. Была ли внутренняя? — Бог
ведь; но по жизни своей смиренной и скромной, ис-
полненной всякой скудости и полнейшего нестяжания,
он все-таки был человек не из здешних.

На том, видно, свете только и узнаем, кем был
в очах Божиих бабаевский Василий Александрович.

Приходил поздравить нас с новым годом наш ду-
ховный друг, о. Нектарий, и сообщил из жития Анзер-
ского отшельника, преподобного Елеазара, драгоцен-
ное сказание о том, как надо благодарить Господа.

— Преподобный-то был родом из наших краев, — поведал нам о Нектарий; — из мещан он происходил Козельских¹. Богоугодными подвигами своими он достиг непрестанного благодатного умиления и дара слез. Вот и вышел он как-то раз — не то летою, не то зимою ночью — на крыльцо своей кельи, глянул на красоту и безмолвие окружающей Анзерский скит природы, умилился до слез, и вырвался у него из растворенного божественною любовью сердца молитвенный вздох:

— О Господи, что за красота создания Твоего! И чем мне и как, червя презренному, благодарить Тебя за все Твои великие и богатые ко мне милости?

И от силы молитвенного вдоха Преподобного разверзлись небеса, и духовному его взору явились сонмы светоносных Ангелов, и пели они дивное славословие ангельское:

— «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!..»

И голос незримый поведал Преподобному:

— Этими словами и ты, Елеазар, благодари твоего Творца и Искупителя!

Осеним же и мы себя крестным знамением и возблагодарим Бога славословием ангельским: «Слава в вышних Богу!..»

Но не остается, по-видимому, на земле мира; по всему видно, что и благоволение отнимается от забывших Бога человеков.

¹ Уездный город Калужской губернии Козельск от Оптиной отстоит всего в трех верстах.